

чтобы посредством специально составленной программы (анкеты) выделить такие легко подсчитываемые признаки, черты, свойства объектов, зафиксированные в массовых документах, которые бы отражали существенные стороны объектов изучения и одновременно раскрывали содержание документов. Благодаря этому качественное содержание массовых документов поддается измерению, оказывается доступным точным вычислительным операциям, а результаты контентного анализа становятся в достаточной мере объективными. Ввиду полезности контентного анализа для историков и его большого сходства с методом формализации содержания массовых источников, а отчасти и с методом регест представляется целесообразным более широкое знакомство историков с опытом социологов по его применению к анализу массовой документации.

Подведем некоторый итог. Широкое обращение историков к массовым источникам, обусловленное закономерным развитием исторической науки, потребовало разработки источниковедения массовых документов, важнейшей проблемой которого стала разработка приемов освоения их информационных ресурсов. Формализация и последующая генерализация содержания массовых источников является именно тем приемом, который может обеспечить извлечение необходимой информации из всей совокупности массовых источников и тем самым исключить иллюстративно-потребительский подход, еще практикуемый некоторыми исследователями при обращении к массовым источникам. Формализация и последующая генерализация содержания массовых источников сгущает информацию (что особенно ценно при исследовании проблем, относящихся к такой огромной стране, как Россия), делает ее удобной для дальнейшего анализа — анализа не только качественного, но и количественного.

В. Г. ЧЕРНУХА

ИЗ ИСТОРИИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ: ГЛАВНЫЙ КОМИТЕТ ОБ УСТРОЙСТВЕ СЕЛЬСКОГО СОСТОЯНИЯ. 1861—1882 гг.

В последнее время советские историки все большее внимание уделяют истории государственных учреждений, что связано с растущим пониманием ее многостороннего значения как вспомогательной исторической дисциплины. Изучение этой дисциплины

турных исследованиях. М., 1977, с. 334—361; Кахк Ю. Ю. Некоторые аспекты применения математических методов в исторических исследованиях. — В кн.: Источниковедение отечественной истории. 1976. М., 1977, с. 170—171.

лины важно для выяснения структуры государственной власти и механизма ее функционирования, для расширения возможностей целенаправленного архивного поиска и, наконец, в связи с разработкой проблем внутренней политики, «делавшейся» в рамках государственных учреждений. Сейчас перед советской наукой стоит задача изучения в первую очередь истории всех высших и центральных государственных учреждений, выяснения причин их возникновения и упразднения, функций и структуры, состава, особенностей делопроизводства, связей с ведомствами и подведомственными учреждениями.

Настоящая статья имеет целью осветить историю одного из своеобразных высших государственных учреждений — Главного комитета об устройстве сельского состояния.

Высшие комитеты в России XIX в. были очень интересным явлением в ее государственном управлении, выражением попыток царизма приспособить государственный механизм к функционированию в новых, все более сложных условиях жизни, не прибегая к радикальному преобразованию абсолютной монархии. Система государственных учреждений России XIX—начала XX в. оставалась стабильной, и проблема ее приспособления во многом решалась за счет высших комитетов. Как только возникала и выходила на авансцену какая-либо крупная проблема внутренней политики, которая требовала длительного разрешения и ежедневного внимания, учреждался специальный высший комитет, занимавшийся этой проблемой, — учреждение временное, не нарушавшее сложившейся в начале XIX в. системы государственного управления. Ликвидация проблемы или снижение ее остроты имело следствием ликвидацию комитета, передачу его сократившегося объема дел в стационарную систему управления. Создание высших комитетов было проявлением своего рода чрезвычайного положения в той или иной сфере внутренней политики. Так было и с Главным комитетом об устройстве сельского состояния.

Прежде всего об источниках и существующей по теме литературе. Документы Главного комитета об устройстве сельского состояния прекрасно сохранились и составляют особый архивный фонд — № 1181, хранящийся в ЦГИА СССР. Изучение документов фонда облегчается тем, что опись его дел издана.¹ Уже беглый просмотр описи, снабженной указателями, может дать представление о количестве и характере дел, проходивших через Комитет, и продолжительности их рассмотрения. Для истории Главного комитета как государственного учреждения особое значение имеет тот ее раздел, который озаглавлен «опись делам, не вошедшим в контрольные реестры» и куда занесены дела, связанные с созданием и упразднением Комитета, его составом, штатами, статусом, представлением отчетов, справок, ведомостей и т. д.

¹ Опись дел Архива Государственного совета, т. XV. Дела Секретного комитета и Главных комитетов по крестьянскому делу и об устройстве сельского состояния. СПб., 1911.

Часть документов Главного комитета рассредоточена по учреждениям, с которыми он сносился. Однако в архиве Комитета отложились отпуски или копии большей части этих ушедших в другие учреждения бумаг.

Отдельные документы Комитета встречаются в личных архивных фондах его членов или служащих. В качестве примера можно сослаться на фонды С. М. Жуковского² или М. И. Семейского.³

Наряду с архивными исследователи располагают и ценными опубликованными источниками. Кроме печатной описи дел в Архиве Государственного совета был подготовлен и в 1918 г. увидел свет первый том протоколов заседаний Главного комитета, так называемых «журналов», за первые два года его существования.⁴ Предполагалось издать все журналы Комитета.

В 1870 г. истекал девятилетний срок, установленный Положениями 19 февраля, в течение которого было ограничено право крестьян на отказ от земельного надела. Срок этот считался рубежом в развитии реформы, этапом в ликвидации обязательных отношений крестьян к помещикам. К этому времени в Главном комитете был подготовлен и опубликован как ведомственное издание обзор деятельности Главного комитета за девятилетие.⁵ В отчете содержатся и сведения о нем как об учреждении, и характеристика основных направлений его деятельности и основных его мероприятий.

Сведения о работе Комитета, его членах, их деловых взаимоотношениях, столкновениях разных точек зрения на его заседаниях можно почерпнуть в изданных дневниках правительственных деятелей — П. А. Валуева, Д. А. Милютина, Е. А. Перетца. Интересный материал содержится и в неопубликованном дневнике председателя Комитета вел. кн. Константина Николаевича, брата Александра II.⁶ Многие из тех работ историков, которые при изучении аграрной политики правительства рассматриваются как историография вопроса, в данном случае становятся источниками, поскольку написаны по материалам Главного комитета и отражают его деятельность.⁷

² ОР и РК ГПБ, ф. 287, оп. 1, № 13, 14, 109, 110, 115.

³ ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, № 412—414.

⁴ Журналы Главного комитета об устройстве сельского состояния, т. 1. С 5 марта 1861 г. по 28 декабря 1862 г. Пгр., 1918.

⁵ Отчет по Главному комитету об устройстве сельского состояния за девятилетие с 19 февраля 1861 по 19 февраля 1870 г. СПб., 1870.

⁶ ЦГАОР СССР, ф. 722, он. 1, д. 93—124.

⁷ См., например: Лященко П. И. Очерки аграрной эволюции России, т. II, ч. 1. СПб., 1913; Кованько П. Реформа 19 февраля и ее последствия с финансовой точки зрения. (Выкупная операция: 1861—1907 гг.). Киев, 1914; Дружинин Н. М. Купчие земли крепостных крестьян (по данным Главного комитета об устройстве сельского состояния). — В кн.: Вопросы социально-экономической истории и источниковедения периода феодализма в России. М., 1961, с. 176—189, и др.

Историография вопроса крайне скудна.

Первая попытка воссоздания истории Главного комитета об устройстве сельского хозяйства была предпринята сразу же после его упразднения. В 1884 г. в издаваемой М. И. Семевским «Русской старине» появилась специальная статья.⁸ Появление ее не было случайным: интерес к событиям крестьянской реформы не иссякал. Период внутреннего кризиса конца 70-х—начала 80-х годов сильно подогрел внимание к крестьянскому вопросу, вновь выдвинул его в качестве первоочередного в правительственной политике. Поэтому опыт учреждения, в течение двадцатилетия разрабатывавшего и осуществлявшего аграрную политику, имел не только исторический, но и общественно-политический интерес. Статья была анонимной. Однако можно предположить, что она была написана самим издателем. В пользу этого предположения сошлемся на долголетнюю службу М. И. Семевского в Главном комитете (1866—1882 гг.), причем с 1878 г. он состоял в должности помощника статс-секретаря⁹ и хорошо знал и его историю, и его архив, разобранный в 1882—1883 гг.

Появившаяся только в одном номере журнала статья должна была стать первой частью работы, раскрывающей историю этого своеобразного учреждения. На последней ее странице были сообщены планы автора насчет содержания следующих частей работы, а в конце стояла помета — «продолжение следует». Однако по каким-то цензурным или личным причинам работа не была завершена.

Очень краткие сведения о статусе и деятельности Главного комитета содержатся в многотомной истории Сената, где они поданы как предыстория его II департамента, созданного в 1884 г. для рассмотрения тех судебных крестьянских дел, которые после упразднения в 1882 г. Главного комитета перешли в ведение Отделения по крестьянским делам I департамента Сената. Таких дел оказалось так много, что через два года было решено создать для их рассмотрения и разрешения специальный департамент.¹⁰

Изучением истории Главного комитета об устройстве сельского хозяйства и его материалов занимался Н. М. Дружинин, исследовавший положение русской деревни в связи с аграрной политикой царизма в первое пореформенное двадцатилетие.¹¹ Главному комитету он посвятил специальную статью, в которой наибольшее внимание из всех проблем его истории он уделил его практиче-

⁸ Крестьянское дело в Главном комитете об устройстве сельского хозяйства. 1861—1882 гг. — Русская старина, 1884, № 2 (февраль), с. 277—287.

⁹ Тимошук В. В. Михаил Иванович Семевский, основатель исторического журнала «Русская старина». Его жизнь и деятельность. Биографический очерк. СПб., 1895, с. 103—104.

¹⁰ История Правительствующего сената за двести лет. 1711—1911 гг. Т. IV. СПб., 1911, с. 216—227.

¹¹ Дружинин Н. М. Русская деревня на переломе. 1861—1880 гг. М., 1978.

ской деятельности. К ней очень тесно примыкает и вышеупомянутая его статья о рассмотрении в Главном комитете дел о купчих землях крестьян.¹²

Обсуждение в правящих сферах в 1866 г. судьбы Главного комитета было в общих чертах освещено И. В. Оржеховским, занимавшимся исследованием реакционно-охранительных тенденций в правительственной политике в период между двумя революционными ситуациями и в этой связи складыванием в 1866 г. охранительной программы царизма.¹³

Этим собственно и исчерпывается литература о Главном комитете. Между тем изучение и его истории, и его деятельности следует продолжить, ибо с этим учреждением связаны все аграрные мероприятия царизма в 60—70-е годы XIX в., в период крупнейшей перестройки феодально-крепостнических отношений в русской деревне в капиталистические. Именно поэтому автор данной статьи вновь обращается к этой теме.

Утверждение 19 февраля 1861 г. «Положений» и «Правил», регламентировавших экономико-правовые условия отмены крепостного права, было рубежом в аграрной политике царизма. С одной стороны, оно означало переход от законотворческой к административной деятельности по претворению в жизнь новых законоположений; с другой — изменение положения помещичьих крестьян выдвигало задачу дальнейшей разработки законодательства о крестьянах для унификации положения всех многочисленных категорий крестьянства. С этим было связано упразднение Главного комитета по крестьянскому делу, выполнившего свою функцию представления законопроектов отмены крепостного права. Должно быть, немалое значение имели — при решении дела о судьбе Главного комитета по крестьянскому делу — и соображения правительства о необходимости сделать некоторые уступки раздраженным реформой помещикам, видевшим в членах этого комитета личных врагов.

Решение об упразднении Главного комитета по крестьянскому делу и создании вместо него нового учреждения было принято Александром II в канун реформы. О нем знали немногие. Об этом должны были быть осведомлены председатель Главного комитета по крестьянскому делу вел. кн. Константин Николаевич и государственный секретарь В. П. Бутков, которому было поручено составление проекта закона о новом учреждении и который 24 января 1861 г. его представил.¹⁴ Об упразднении Главного ко-

¹² Дружинин Н. М. 1) Главный комитет об устройстве сельского состояния. — В кн.: Исследования по социально-политической истории России. Л., 1971, с. 269—286; 2) Купчие земли крепостных крестьян..., с. 176—189.

¹³ Оржеховский И. В. Комитет «общественного спасения» 1866 г. — В кн.: Общественно-политическая мысль и классовая борьба в России в XVIII—XIX вв. (Межвузовский сборник). Горький, 1973, с. 53—68.

¹⁴ Дружинин Н. М. Главный комитет..., с. 269.

митета по крестьянскому делу и учреждении нового Александр II заявил своим сановникам 26 января 1861 г. на совместном заседании Совета министров и Главного комитета по крестьянскому делу. П. А. Валуев, в то время управлявший делами Комитета и заведовавший делами Совета министров, на этом заседании не присутствовал, но знал о событиях со слов шефа жандармов В. А. Долгорукова и министра государственных имуществ М. Н. Муравьева. Согласно Валуеву, на этом заседании император потребовал завершения рассмотрения законопроектов Государственным советом к 15 февраля и в качестве связанной с этим организационной меры объявил об учреждении нового комитета взамен двух упраздняемых: Главного комитета по крестьянскому делу и Комитета для устройства быта удельных, государственных и дворцовых крестьян, возглавляемого министром императорского двора В. Ф. Адлербергом. В. П. Бутков тут же прочел проект, условно говоря, «устава» нового Комитета. Это решение Александра II было полной неожиданностью для присутствовавших, даже для В. Ф. Адлерберга. Попытка М. Н. Муравьева ближе ознакомиться с проектом «устава» для квалифицированного суждения о нем была «жестко» пресечена Александром II, заявившим, что «нечего рассматривать и что он так хочет».¹⁵ Итак, в качестве мотивов такой перестройки выдвигалось царское «хочу». Протокол этого заседания попал к А. И. Герцену и был опубликован им в «Колоколе».¹⁶ В части, касающейся Главного комитета, он соответствует записи в дневнике П. А. Валуева, но включает в себя еще и некоторые подробности. В нем говорится, что Александр II, осадивший М. Н. Муравьева, предложил ему представить свои соображения позже, когда новый Комитет будет создан, и что министр понял ситуацию как чреватую отставкой. Кроме того (и это были уже не слова протокола, а сведения лица, переславшего документ¹⁷), в публикации назывались чиновники, на которых будет возложено делопроизводство Комитета — С. М. Жуковский, К. И. Домонтович и И. П. Арапетов. Относительно первых двух сведения оказались верными.

Проект Буткова был разыскан и изучен М. Н. Дружининым. К сказанному им добавим, что проект имел форму записки, первая часть которой являлась пояснительной ко второй — собственно проекту. В первой части излагались основы организации двух закрываемых комитетов и задачи, встающие после утверждения Положений 19 февраля. Самый проект, поскольку его обсуждения не было, целиком вошел в текст закона с одним существен-

---

¹⁵ Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел, в двух томах, т. I. М., 1961 (далее — Валуев П. А. Дневник), с. 61—63.

¹⁶ Колокол, 4 марта 1861 г., л. 93, с. 787.

¹⁷ Предположения об отправителе см.: Эйдельман Н. Случай ненадежен, но шедр. (Поиски тайных корреспондентов Герцена). — Наука и жизнь, 1965, № 1 и 2.

ным изъятием. Последний пункт проекта говорил о новом Комитете как учреждении временном, которое будет существовать лишь до тех пор, пока управление всего сельского состояния в России, образованное на одних и тех же началах, не сосредоточится в Министерстве внутренних дел. Тогда необходимость в этом учреждении отпадет и дела будут рассматриваться и разрешаться «на общих основаниях».¹⁸ Этот-то пункт и был изъят при публикации закона. Юридически создание нового Комитета состоялось почти через месяц — 19 февраля 1861 г. — и было оформлено двумя документами: рескриптом на имя вел. кн. Константина Николаевича и именным указом Правительствующему сенату. Эти два документа органично входят в комплекс актов 19 февраля.

Рескриптом¹⁹ великому князю объявлялась «монаршая признательность» за его деятельность в Главном комитете по крестьянскому делу и одновременно он извещался о назначении его председателем «особого комитета», задачей которого будет «принять меры к устройству всего вообще сельского состояния на общих и единообразных началах». Даже название нового Комитета в рескрипте не было обозначено. Оно содержалось в указе Сенату.²⁰

В указе было подтверждено намерение создать общие начала правопорядка для всего сельского населения России и провозглашено учреждение для осуществления этой цели Главного комитета об устройстве сельского состояния. Комитет подчинялся самому императору, находясь в его «непосредственном ведении». Возглавлять комитет должен был председатель, которого в его отсутствие заменял присутствующий в заседании старший по чину. Состав Комитета намечался сравнительно немногочисленным. В него должны были войти все те министры и главноуправляющие ведомств, которые были как-либо причастны к крестьянскому вопросу. Это были министры внутренних дел, государственных имуществ, юстиции, финансов, уделов, главноуправляющие II и III отделениями с. е. и. в. к. Они являлись так называемыми «непременными» членами Комитета, автоматически получающими звание членов его по вступлении их в соответствующую должность. Предусматривался не только должностной, но и «личный» принцип комплектования состава «по непосредственному усмотрению» императора.

Если в рескрипте задача вновь учреждаемого Комитета обозначалась обще и односторонне, то в формулировке Указа функции Главного комитета оказывались значительно шире и сложнее, нежели только как подготовка очередных законопроектов, касаю-

¹⁸ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. XV т. (опись делам, не вошедшим в контрольные реестры), д. 1, л. 18 об.—19.

¹⁹ ПСЗ II, т. XXXVI, 1 отд., № 36651.

²⁰ Там же, № 36653. — Этот указ следовал сразу же за указом Сенату об отдаче «надлежащих распоряжений к приведению в исполнение „Положений и Правил“ 19 февраля».

щихся других категорий крестьян, в соответствии с образцом — Положениями 19 февраля.

В указе обязанности Комитета излагались в п. 8, где говорилось, что на Главный комитет возлагается:

а) Высшее наблюдение за введением в действие утвержденных нами законоположений о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и разрешение всех вопросов и недоразумений, кои при этом могут возникнуть;

б) рассмотрение разных проектов законоположений, кои должны быть составлены в дополнение издаваемых ныне Положений о сих крестьянах;

в) составление и рассмотрение предложений об устройстве крестьян государственных, дворцовых, удельных, заводских и всех других;

г) высшее наблюдение за введением в действие Положений и о сих крестьянах, когда оные будут нами утверждены, а также разъяснение могущих возникнуть при сем вопросов и недоразумений; — и

д) составление и рассмотрение общего сельского устава и общих предположений, касающихся сельских сословий, заведываемых ныне ведомствами и управлениями».

Как видим, Главному комитету отводилась сложная и ответственная роль специального высшего государственного учреждения, сосредотачивавшего в своих руках все руководство политикой в крестьянском вопросе. Министр внутренних дел оказывался в подчиненном по отношению к Главному комитету положении, поскольку на него возлагалось только «ближайшее наблюдение» за введением новых законов, а решение возникающих при этом вопросов входило в компетенцию Главного комитета. Такие же отношения должны были сложиться у Главного комитета с другими министерствами (государственных имуществ, императорского двора и т. д.), когда будут приняты законы, регулирующие положение в государственной и удельной деревне, а также положение других малочисленных категорий сельского населения, находящихся в их ведении. Пока же Главный комитет должен был заняться разработкой таких законопроектов, для чего ему предоставлялось право создавать особые «приуготовительные комиссии», куда могли входить чиновники «подлежащих ведомств», Главного комитета и «эксперты». Состав комиссий и «круг их занятий» определялись в каждом отдельном случае Главным комитетом и утверждались императором. При этом у «подлежащих ведомств» не отбиралось право законодательной инициативы и они были правомочны входить в Главный комитет со своими проектами.

Указ определял порядок окончательного решения дел. Дела законодательного характера передавались из Главного комитета в Общее собрание Государственного совета. Были предусмотрены случаи предварительного (перед Общим собранием) обсуждения

дел в «соединенном присутствии» Главного комитета и соответствующего департамента Государственного совета. Дела в Государственный совет передавались через государственного секретаря, а в дальнейшем разрешались обычным для Государственного совета порядком.

Дела текущей политики, административного свойства решались окончательно самим Главным комитетом, но его решения вступали в силу только после скрепления этих решений подписью императора. Эти дела шли порядком, принятым для высших исполнительных учреждений — комитетов министров, Кавказского и Сибирского. После 19 февраля 1861 г. в течение двадцати лет появляется и иногда сохраняет юрисдикцию вплоть до 1917 г. новый вид документа, регулирующего положение в деревне, — «высочайше утвержденное положение Главного комитета об устройстве сельского хозяйства».

Для организационных работ и ведения делопроизводства к Комитету прикомандировывались чиновники из состава Государственной канцелярии. Делопроизводство Главного комитета находилось под контролем государственного секретаря (до 1865 г.), через которого шли все сношения Главного комитета с другими учреждениями. Вести же делопроизводство должен был управляющий делами Комитета, избранный для этого государственным секретарем и утвержденный в должности императором. Управляющему делами придавались помощник, экспедитор и несколько младших чиновников.

Таковы были организационные и правовые основы нового учреждения согласно его «уставу». В дальнейшем они почти не подверглись изменению. Закон об учреждении Главного комитета был принят в горячее время и осуществляться начал буквально одновременно с утверждением закона. Выше уже говорилось, что рескриптом в тот же день был назначен его председатель, а указом названы неперменные его члены. 19 февраля состоялось назначение управляющего делами и первых «личных» членов Комитета по выбору Александра II.

Создание Главного комитета приветствовал в «Колоколе» Н. П. Огарев, ибо увидел в нем потенциальную возможность «сделать чудеса для развития хозяйственного, судебного и административного русского народа». Огарев хотел найти в Главном комитете новый метод проведения аграрной политики — мирного, ненасильственного решения сложных проблем.²¹ Но когда в Лондон поступили первые же сведения о кровавых расправах над крестьянами, возмущенными условиями реформы, и о циркуляре нового министра внутренних дел П. А. Валуева, требующего от губернаторов разъяснить крестьянам, что исполняемая ими барщина отнюдь барщиной не является, то он же признал свои надежды лишь мечтою-однодневкой. «Итак, Комитет под председа-

²¹ Колокол, 15 апреля 1861 г., л. 96, с. 806—807.

тельством Константина Николаевича оттерт на задний план; теория государственного развития поручена Бутковым, а практика Апраксиным (организатор расстрела крестьян в с. Бездна. — В. Ч.), — писал он с горечью.²²

Заседания Главного комитета об устройстве сельского хозяйства начались 5 марта 1861 г. 25 апреля Главный комитет принимает решение заседать еженедельно по субботам в связи с поступлением «значительного числа дел».²³ Однако затем день заседания был изменен. В октябре 1867 г. управляющий делами извещал нового члена Комитета К. И. Палена: «По учреждению Главного комитета . . . министр юстиции состоит непременно членом сего Комитета. Вследствие сего долгом считаю уведомить ваше сиятельство, что заседания Главного комитета бывают обыкновенно по понедельникам, после общего собрания Государственного совета, что о назначенных заседаниях члены Комитета извещаются каждый раз особыми повестками, с поименованием в них дел, назначенных к докладу, и что дела эти предварительно сообщаются всем гг. членам для прочтения».²⁴ В 70-х годах понедельник продолжал оставаться «комитетским» днем, о чем свидетельствуют аналогичные стандартные повестки, которыми каждый новый член Комитета извещался о порядке его работы.

До июня 1862 г. председательствует в нем Константин Николаевич. Один из деятелей либерального крыла русской бюрократии, он оказался бессменным главой Комитета все двадцать лет его существования. Лишь однажды великий князь оказался на долгое время оторванным от его работы. Это было с середины 1862 г. до конца 1864 г., когда он находился в отъезде сначала в Варшаве в качестве наместника в Царстве Польском, а затем за границей, после того как сдал свои полномочия гр. Ф. Ф. Бергу. К реакционному дворянству, недовольному Константином Николаевичем как деятелем крестьянской реформы, присоединились и националистически настроенные круги, идейным выразителем которых явился издатель «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М. Н. Катков, считавший, что великий князь своей политической лавирования вместо политики твердой руки лишь способствовал развитию национально-освободительного движения. Поэтому великий князь был личностью одиозной в части дворянских и правительственных кругов, считаясь среди них «красным», «мужикофилом», и уже потому в качестве председателя Главного комитета был заранее обречен на непопулярность. Однако здесь Александр II, сделавший в апреле 1861 г. уступку недовольному дворянству, уволив министра

²² Там же, л. 101, с. 845.

²³ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. XV т. (опись делам, не вошедшим в контрольные реестры), д. 1, л. 56.

²⁴ Там же, л. 105.

внутренних дел С. С. Ланского (его сменил П. А. Валуев) и товарища -министра Н. А. Милютина, сознательно пошел против настроения этой части дворянства, считая необходимым лавировать в интересах правящей верхушки между претензиями помещиков справа и революционной опасностью слева. Для Александра II Положения и Правила 19 февраля 1861 г. были той «нейтральной полосой» социальных отношений, любой отход от которой был чреват возможностью крестьянских выступлений. Это и определяло его дальнейшую позицию в крестьянском вопросе.

На время отсутствия великого князя временно председательствовать в Комитете был назначен председатель Государственного совета и Комитета министров Д. Н. Блудов, а поскольку он был уже стар и часто болел, то Александр II ввел в качестве члена Комитета вице-председателя Государственного совета, председателя Департамента законов кн. П. П. Гагарина, чтобы он замещал Блудова и в Главном комитете.²⁵

Управляющим делами Главного комитета долгое время был С. М. Жуковский. Хотя выбор чиновника на эту должность принадлежал государственному секретарю, вряд ли назначение состоялось без согласования с Константином Николаевичем, должно быть, он сам наметил себе помощника. Жуковский, еще в 40-х годах поступивший на службу в Государственную канцелярию, с самых первых шагов правительства по разработке крестьянской реформы оказался причастен к ней. Сначала (1857 г.) он был назначен в помощь государственному секретарю по производству дел в Секретном, а затем (с 1858 г.) в Главном комитете по крестьянскому делу, позже (1859 г.) вошел в состав Редакционных комиссий в качестве неперменного члена.²⁶ Очевидно, этот его опыт и был учтен при назначении на должность управляющего делами Комитета. По словам автора статьи в «Русской старине», Константин Николаевич и Жуковский «постоянно и неразрывно шли вместе, опираясь друг на друга при неоднократно изменявшемся составе Комитета. Жуковский, при постоянной и энергической поддержке председателя, часто вынужден был вмешиваться в прения членов Комитета и тем выходить из роли простого докладчика».²⁷ Такое положение вызывало резкое недовольство членов Комитета, видевших в нем злого гения, настраивавшего председателя на «мужикофильство», и одновременно стремление председателя упрочить положение управляющего делами. В начале января 1865 г., сразу по возвращении великого князя из-за границы в Петербург и к деятельности во главе Комитета, дело-производство Главного комитета было освобождено от контроля

²⁵ Там же, л. 60—61 об.

²⁶ Русский биографический словарь, том «Жабокритский-Зяловский», с. 119.

²⁷ Крестьянское дело..., с. 284.

Государственной канцелярии. Правда, законодательные дела Комитета по-прежнему докладывались в Государственном совете государственным секретарем, но дела исполнительные теперь шли через управляющего делами Комитета. Сделано это было по настоянию великого князя, представившего всеподданнейший доклад, получивший утверждение Александра II 11 января 1865 г.²⁸ Это было одно из двух существенных изменений статуса Главного комитета.

К тому же, чтобы снять выдвигаемые против Жуковского обвинения в превышении полномочий и юридически закрепить то положение, которое он занимал фактически, Константин Николаевич добился в 1869 г. его назначения членом Комитета. Однако после этого значение Жуковского в Комитете падает: он был человеком больным, в 1874—1875 гг. вообще не участвовал в работе Комитета,²⁹ а в 1877 г. умер за границей. Сменил его на посту управляющего И. А. Чернавский.

Состав неперменных членов Комитета, входивших в него согласно занимаемой должности, постоянно менялся по ходу перемен в министерских креслах. Полный перечень неперменных членов за двадцатилетнее существование Главного комитета приведен в анонимной статье о Главном комитете.³⁰

Менялся и состав назначаемых членов Комитета, они вводились в Комитет постепенно, в зависимости от обстоятельств, и оставались там, как правило, пожизненно.

Первыми по распоряжению императора туда были введены 19 февраля 1861 г. Н. И. Бахтин и К. В. Чевкин, в 1862 г. — П. П. Гагарин, в 1864 г. — Н. А. Милютин, вскоре, в 1866 г., выбывший по болезни, в 1869 г. — С. М. Жуковский. С 1 января 1876 г. членом Комитета стал председатель Департамента государственной экономики Государственного совета А. А. Абаза, назначенный Александром II по ходатайству великого князя, стремившегося усилить Комитет деятелями либерального направления.

Бывали такие случаи, когда неперменные члены Главного комитета, оставившие министерскую должность и по закону подлежавшие исключению из его членов, особыми указами Александра II сохраняли за собою членство, но теперь это были уже члены по назначению. Так было в 1861 г. с министром внутренних дел С. С. Ланским, в 1862 г. — с министром юстиции В. Н. Паниным и в 1878 г. — с министром финансов М. Х. Рейтерном.³¹ Несомненно, что при сохранении за ними звания членов Комитета Алек-

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. XV т. (опись делам, не вошедшим в контрольные реестры), д. 1, л. 76 об.—77; Журналы Главного комитета об устройстве сельского хозяйства, с. V.

²⁹ Крестьянское дело..., с. 286.

³⁰ Там же, с. 285—286.

³¹ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. XV т. (опись делам, не вошедшим в контрольные реестры), д. 1, л. 62, 126—128 об.

сандр II, как и вообще при назначении «личных» его членов, руководствовался мотивом целесообразности сосредоточения в нем лиц, имеющих опыт обсуждения крестьянского вопроса. М. Т. Лорис-Меликов в марте 1880 г. был введен в состав Главного комитета сразу же после назначения его главой Верховной распорядительной комиссии, еще до того, как пост министра внутренних дел автоматически «возвел» бы его в это звание. Причиной введения, несомненно, была фактически отведенная Лорис-Меликову роль первого министра, требовавшая его участия во всех наиболее важных государственных делах, а крестьянский вопрос в это время был среди них одним из первых. Формально же назначение мотивировалось тем, что все главноуправляющие III отделением состояли членами Главного комитета, и тем более им должен быть глава Верховной распорядительной комиссии, которой подчинено III отделение.³²

Итак, состав членов Главного комитета насчитывал 10—12 человек, но на заседаниях обычно присутствовали не все. Кроме отсутствующих по болезни или вследствие отъезда (в случае продолжительного отъезда испрашивалось разрешение императора на замещение министра или главноуправляющего его товарищем), на заседаниях могли отсутствовать те члены Комитета, которые получили специальное разрешение императора присутствовать только тогда, когда дела непосредственно касаются их ведомств. В январе 1862 г. такое разрешение было получено М. Х. Рейтерном, решавшим в зависимости от повестки дня, когда его участие в обсуждении «необходимо». В октябре 1867 г. такое же право было дано министру двора В. Ф. Адлербергу, который считал нужным присутствовать только тогда, когда речь шла о крестьянах удельного ведомства.³³

Главный комитет по составу был несколько уже Совета и Комитета министров, но повторял их и в той же степени повторял ту пестроту взглядов, которая была свойственна правительственной верхушке, не связанной общей политической платформой или формальной организацией в виде «объединенного» правительства. Либеральная часть бюрократической верхушки заседала в Главном комитете (как в Совете и Комитете министров) одновременно с консерваторами. Представителями либерального крыла бюрократии в Главном комитете были, кроме Константина Николаевича, Н. И. Бахтин, Н. А. Милютин, С. М. Жуковский, К. В. Чевкин, А. А. Абаза, в самом конце существования Главного комитета — М. Т. Лорис-Меликов. Консервативную часть Главного комитета составляли П. П. Гагарин, В. А. Долгоруков, П. А. Шувалов, К. И. Палец, А. Е. Тимашев.³⁴ Занимавший пост министра внутренних дел в 1861—1868 гг. П. А. Валуев играл скорее роль

³² Там же, л. 132—135.

³³ Там же, л. 58—58 об., 106—107.

³⁴ Дружинин Н. М. Главный комитет... с. 271.

«центра», стараясь маневрировать, часто он расходился во взглядах с либеральной частью Главного комитета в попытках добиться уступок для дворянства при реализации реформы, с трудом проводил свои проекты, а потому пребывал в постоянном недовольстве Главным комитетом и стремился к устранению этой лишней для него инстанции, только затруднявшей, с его точки зрения, возможность ведения дел. 6 сентября 1861 г. он заносит в дневник: «Заседание Главного комитета, раздражительное и тягостное по несправедливости и пристрастности, обнаруживаемым вел. князем, Чевкиным, Бахтиным и канцелярией во всех делах, где интересы крестьян не сходятся с интересами помещиков. Это шемакинский суд, обращенный в систему».³⁵ Такими записями наполнен его дневник и за последующие годы. Заметим, что Валуев в это время подвергался сильнейшему нажиму помещиков, пытавшихся не только истолковать закон в свою пользу при практическом его осуществлении, но и дополнить его новыми льготными положениями. Считая, что экономические «потери» дворянства являются причиной его политической активности и выдвигаемых им политических требований, которые он же должен был в качестве министра внутренних дел «глушить», Валуев отстаивал в Главном комитете экономические уступки помещикам.

Главный комитет был одним из учреждений, где шла непрерывная борьба мнений о политике в аграрном вопросе. Разногласия участников, отраженные уже приведенной выдержкой из дневника Валуева, коренились в их оценке факторов, опасных для существующего социального и политического строя. Если Константин Николаевич и его сторонники-либералы видели главную политическую опасность в обострении недовольства крестьянства, то консерваторы видели угрозу существующему строю в сдаче дворянством своих экономических и политических позиций и готовы были их отстаивать в принципиальных вопросах и даже в частных случаях.

Расстановка сил в Главном комитете в первой половине 60-х годов охарактеризована военным министром Д. А. Милютиным в его неизданных воспоминаниях: «Возникшие во множестве спорные вопросы между помещиками и крестьянами восходили по инстанциям до Главного комитета об устройстве сельского хозяйства. В Комитете представителями помещичьих интересов были: гр. В. Н. Панин (главноуправляющий II отделением с. е. и. в. к.), шеф жандармов кн. Долгоруков, министр внутренних дел Валуев и уделов — гр. В. Ф. Адлерберг. Министр юстиции Д. Н. Замятин, человек бесцветный, держался нейтрально; сторону же крестьянского населения всегда держали сам председатель — вел. кн. Константин Николаевич, статс-секретарь Н. И. Бахтин, генерал-адъютант Чевкин (председатель Департа-

³⁵ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 66.

мента экономии), Зеленый (министр государственных имуществ) и мой брат — статс-секретарь Н. А. Милютин. Зато и обрушились на них все негодование и злоба крепостников. В особенности же навлекли на себя ненависть и раздражение этой партии великий князь, мой брат и управляющий делами Комитета статс-секретарь Степан Михайлович Жуковский. На них крепостники вымещали свою злобу, преследуя их втихомолку всякого рода наветами и клеветами».³⁶

Непреходящие разногласия в Главном комитете особенно обострились с 1866 г., когда туда вошел новый шеф жандармов П. А. Шувалов, в своей программе выдвинувший задачу упрочения положения поместного дворянства как консервативной опоры правительства. В великом князе он видел противника своей программы и на протяжении почти десятилетия вел борьбу со своим соперником. Позиции консерваторов в Главном комитете были усилены в 1867 г. присутствием нового министра юстиции К. И. Палена, занимавшего свой пост до 1878 г. М. И. Семевский относил его к лицам, «наиболее несочувствующим» крестьянской реформе и «вообще всей деятельности Главного комитета», и характеризовал как человека, «слишком легко и охотно становящегося на защиту богатого, сильного против бедного, мелкого и темного люда».³⁷

Семевский, оставивший среди своих записей мемуарного типа характеристику расстановки сил в Главном комитете в конце 70-х годов, считал, что на протяжении этого десятилетия по мере выбывания деятелей, так сказать, «первого призыва» влияние либеральной бюрократии там падало.³⁸

Функции Главного комитета об устройстве сельского хозяйства по указу 19 февраля оказывались смешанными, и двойственным оказывался вследствие этого статус Главного комитета как государственного учреждения: он занимался делами законодательными и потому был учреждением, аналогичным департаментам законосовещательного Государственного совета, ведал делами административными, поэтому входил в число высших исполнительных учреждений типа Комитета министров.

Вскоре функции Главного комитета стали еще более сложными. Составление уставных грамот и размежевание земель помещиков и крестьян породили множество недоразумений, в частности, в вопросе о праве крестьян на земли, купленные ими при крепостном праве на имя их владельцев. С самого начала деятельности Главный комитет занялся рассмотрением таких тяжб. С нарастанием их потока двумя законоположениями — высочайше утвержденным 6 мая 1863 г. мнением Государственного совета «О порядке рассмотрения и решения дел по искам крестьян о пра-

³⁶ ОР ГБЛ, ф. 169, картон 10, д. 25, л. 9 об.—10.

³⁷ ИРЛИ, ф. 274, оп. 1, д. 16, л. 14.

³⁸ Там же, л. 13.

вах собственности на имущества, приобретенные ими на пмя помещиков»³⁹ и высочайше утвержденным 11 июля 1863 г. положением Главного комитета об устройстве сельского состояния «о порядке рассмотрения жалоб на губернские по крестьянским делам присутствия и на решения по сим жалобам министра внутренних дел»⁴⁰ — юридически закрепленными оказались и судебные функции Главного комитета по спорным делам. Теперь уже Главный комитет в лице своем являл одновременно власть законодательную, исполнительную и судебную. Это было второе существенное изменение статуса Комитета. Такое сложное правовое значение Главного комитета об устройстве сельского состояния как учреждения, существовавшего параллельно с другими законодательными, исполнительными и судебными учреждениями, порождало при обострении распрей в правительственной среде идеи о его упразднении под предлогом возможности рассмотрения крестьянских дел «обычным порядком».

Такая мысль возникла в середине 1864 г. одновременно у министра внутренних дел и у председателя Государственного совета (и одновременно председателя Главного комитета) кн. П. П. Гагарина, поддерживаемого первым его помощником — государственным секретарем В. П. Бутковым. Но если для Валуева стремление упразднить Главный комитет было продиктовано желанием облегчить Министерству внутренних дел проведение собственной линии в крестьянском вопросе, то для Гагарина и Буткова это была интрига, имевшая целью ограничить влияние Константина Николаевича, который должен был вскоре вернуться к председательствованию в Главном комитете. «Дело в том, чтобы ему не председательствовать, а следовательно, упразднить Комитет», — так охарактеризовал их позицию Валуев, со слов которого и известно об этих планах.⁴¹

В 1864 г. лелеемая некоторыми из сановников мысль о ликвидации Главного комитета не стала делом. Она обрела силу в 1866 г. после покушения Д. В. Каракозова.

28 апреля 1866 г. у Александра II собралось совещание наиболее влиятельных правительственных деятелей. На нем присутствовали назначенный председателем Особой комиссии кн. П. П. Гагарин, председатель следственной комиссии М. П. Муравьев, бывший и новый шефы жандармов, министры внутренних дел, народного просвещения, государственных имуществ и военный. Совещание должно было наметить текущие и долгосрочные меры для упрочения внутриполитического положения в связи с покушением. Программным документом, вокруг которого велось обсуждение, стала представленная новым шефом жандармов записка, содержание которой министром внутренних дел было

³⁹ ПСЗ II, т. XXXVIII, отд. 1, № 39594.

⁴⁰ Там же, № 39858.

⁴¹ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 287.

передано в словах — «нужно поддержать дворянство, собственность, восстановить власть, улучшить позиции и закрыть Главный комитет».⁴² Местонахождение этой записки и ее текст долго оставались неизвестными. Ныне И. В. Оржеховский установил, что давно известная в исторической литературе записка, изданная редакцией «Былого» и атрибутированная публикатором как произведение пера М. Н. Муравьева, в действительности написана П. А. Шуваловым и о пей-то и упоминает Валуев в дневнике.⁴³

Поскольку И. В. Оржеховский с достаточной полнотой восстановил и проанализировал события апреля—мая 1866 г., связанные с обсуждением правительственной программы,⁴⁴ мы остановимся лишь на той ее части, которая касается судьбы Главного комитета. В программе Шувалова поддержка поместного дворянства, восстановление его влияния ставились в качестве одной из важнейших мер восстановления «равновесия» в государстве. Упразднение же Главного комитета в свою очередь подавалось в качестве одной из необходимых мер для возрождения дворянства. В записке говорилось: «Давая преувеличенное значение (речь идет о жалобах и настроениях помещиков. — В. Ч.) власти Главного комитета по устройству сельского состояния, полагают, что землевладение поставлено, так сказать, вне закона, что для других сословий и прочих имущественных споров есть Государственный совет в делах законодательного характера и Комитет министров в порядке административном, а для них особая инстанция, составленная из людей, будто бы враждебных их интересам и преданиям и руководимых канцеляриею, проникнутою крайними убеждениями (этот упрек в адрес С. М. Жуковского. — В. Ч.). Я знаю, что это неверно и что иногда вопросы законодательного свойства решаются Государственным советом, но тем не менее это убеждение распространено по всей России, и едва ли землевладельческое сословие успокоится, пока будет существовать Главный комитет».⁴⁵ Исходя из этого, Шувалов и предлагал обсудить вопрос о «пользе и необходимости» его «дальнейшего существования».

Со стороны Шувалова такой выстрел прямой наводкой по Главному комитету, возглавляемому братом императора, был весьма смелой акцией, но ее целесообразность довольно ловко обосновывалась, а кроме того, выдвижение предложения человеком новым, не бывшим до того членом Комитета, а следовательно, не могущим снискать упрек в пристрастности, давали новому пёфу жандармов некоторую надежду на успех. «Впечатление было удовлетворительное, — записал Валуев (сам не осмеливший

⁴² Там же, т. II, М., 1961, с. 121.

⁴³ Былое, 1907, № 1, с. 236—242.

⁴⁴ Оржеховский И. В. Комитет «общественного спасения» 1866 г., с. 55—68.

⁴⁵ Былое, 1907, № 1, с. 241.

поставить вопрос так круто) о реакции участников совещания на записку Шувалова. — От лица новоназначенного прошло без толчка и указание на Главный комитет».⁴⁶

В правительственных кругах Шувалов имел многих единомышленников, готовых поддержать план упразднения Главного комитета. Первым и наиболее влиятельным из них был П. А. Валуев. Именно в тесной связи с готовившейся в апреле—мае 1866 г. акцией по ликвидации Главного комитета и должна рассматриваться хранящаяся в архиве Валуева безымянная и недатированная записка,⁴⁷ являющаяся обвинительным актом против Главного комитета. Записка эта бесспорно относится к 1866 г., ибо упоминает ряд дел и представлений министерства, относящийся к 1861—1865 гг. Содержащийся там материал (постоянные и точные упоминания многих представлений министра внутренних дел в Главный комитет, их защита) явно выдает происхождение документа, вышедшего из Министерства внутренних дел.

Главному комитету ставились в вину главным образом два обстоятельства: односторонность его решений (явные симпатии к крестьянам) и его особый характер, выводящий его из общего круга государственных учреждений.

«Нельзя не указать здесь на странное явление, относящееся до сферы практической деятельности Главного комитета, — говорилось в записке, — не всегда симпатии его лежали определенно и резко к крестьянской стороне, но к другой — помещичьей — Главный комитет относился постоянно если не с доброжелательством (так в тексте, по-видимому с «недоброжелательством», — В. Ч.), то с полнейшим равнодушием. Представления министра внутренних дел, содержащие в себе указания на возможные льготы и облегчения в пользу владельца без ущерба прав и выгод другой стороны, откладывались, несмотря на несомненную важность своевременной помощи, т. е. в трудное время реформ, или обращались обратно министерству и утверждались только после повторных, усиленных его настояний».⁴⁸ Это обвинение было подкреплено ссылками на отклонение ряда представлений министра внутренних дел в 1861—1865 гг.

С другой стороны, Главный комитет обвинялся в узурпации «способом канцелярским» прав Общего собрания Государственного совета и Правительствующего сената. Все это давало возможность автору записки сделать вывод о том, что Главный комитет «колеблет законоположения 19 февраля 1861 г., подрывает доверие к ненарушимости прав собственности и к установлению прочного порядка в отношениях между помещиками и крестьянами».⁴⁹

⁴⁶ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 121.

⁴⁷ ЦГИА СССР, ф. 908, оп. 1, д. 101, л. 88—118.

⁴⁸ Там же, л. 113.

⁴⁹ Там же, л. 115 об.

Содержание записки дает основание считать, что она была подготовлена как фактическое обоснование предложения Шувалова о ликвидации Главного комитета.

Вопрос о Главном комитете 17 мая 1866 г. обсуждался на заседании Особой комиссии П. П. Гагарина.⁵⁰ По-видимому, никакой новой, специальной записки о Главном комитете Шуваловым к этому заседанию представлено не было. Большинство членов комиссии Гагарина — В. А. Долгоруков, М. Н. Муравьев, А. А. Зеленый, П. А. Шувалов, П. А. Валуев и Д. А. Толстой (в докладе не назван председатель комиссии, хотя его позиция как сторонника этой меры не вызывает сомнений) — высказались за упразднение Комитета по следующим мотивам. Во-первых, почти все крупные законодательные вопросы по устройству крестьян за пять лет существования Комитета разрешены (закон о государственных крестьянах вскоре будет принят), а все текущие дела должны решаться в обычном порядке — через Государственный совет, Комитет министров и судебные учреждения. Во-вторых, эта мера будет поддержана общественным мнением, т. е. «землевладельцами», заслуживавшими, с точки зрения большинства, «заботливого внимания» со стороны правительства. Этому противостояла точка зрения меньшинства, которое составляли военный министр Д. А. Милютин и главноуправляющий II отделением В. П. Панин, считавшие такую меру несвоевременной вследствие незавершенности крестьянской реформы (военный министр ссылался, в частности, на предстоящее еще разрешение вопроса о поземельном устройстве бессрочно отпусковых и отставных солдат). Парируя аргумент большинства относительно желательности упразднения Главного комитета для «успокоения» помещиков, они заявляли: «Мера эта представляет еще и то важное неудобство, что, успокаивая землевладельцев, она в то же время, будучи перетолкована в смысле, враждебном интересам низшего сословия, может произвести противоположное вредное влияние на умы крестьян».⁵¹ Это разногласие среди членов Комиссии привело к компромиссному предложению: «Упразднение комитета об устройстве сельского состояния произвести не вдруг, а постепенно, сокращая круг действия оного по мере распространения на губернии новых судебных уставов так, чтобы с окончательным в течение четырех лет введением судебной реформы Главный комитет упразднился сам собою».⁵²

Очевидно, тот черновик всеподданнейшего доклада, который мы вслед за И. В. Оржеховским здесь цитировали, был лишь заготовлен, но не согласован с членами комиссии, ибо, по авторитетному свидетельству Валуева, участника событий и лица заин-

⁵⁰ Оржеховский И. В. Комитет «общественного спасения» 1866 г., с. 58—68.

⁵¹ ОР и РК ГПБ, ф. 379, д. 380, л. 2 об.—3 об.

⁵² Там же.

тересованного, «окончательного заключения не состоялось».⁵³ Это и вызвало поездку 18 мая в Царское Село председателя Особой комиссии к Александру II для объяснений по поводу судеб Главного комитета. Он выяснил отрицательное отношение императора к упразднению Комитета и получил распоряжение, чтобы тема эта на заседаниях Комиссии не рассматривалась. Об этом и было объявлено на очередном заседании Комиссии 19 мая. На позицию Александра II, очевидно, успел повлиять великий князь, который, не будучи членом комиссии Гагарина, знал о планах Шувалова и о мнении большинства этой комиссии. 18 мая он объяснялся по этому поводу с министром внутренних дел, причем закрытие Главного комитета им квалифицировалось как мера реакционная. По утверждению Валуева, он изложил великому князю свою точку зрения на вопрос о Главном комитете.⁵⁴

Либо в ходе объяснений великого князя с императором от него было потребовано представление письменных объяснений по поводу обвинения Главного комитета в односторонности, либо Константин Николаевич и сам решил подкрепить позицию учреждения, им возглавляемого, но после этих событий на свет появляется составленная скорее всего С. М. Жуковским записка в защиту Главного комитета. Этот важный документ был разыскан и введен в научный оборот Н. М. Дружининым, рассказавшим о его существовании и сжато проанализировавшим его содержание.⁵⁵ Сохранившаяся в архиве Главного комитета всеподданнейшая записка⁵⁶ не имеет даты. На ней неизвестной рукой помечено (очевидно, при разборке архива в 1882—1883 гг.): «Составлено, вероятно, в апреле 1866 г.». Записку следует датировать сравнительно небольшим промежутком между заседанием комиссии Гагарина, поставившим вопрос об упразднении Главного комитета, т. е. 17 мая, и 14 июня 1866 г., когда она была предъявлена великим князем шефу жандармов.⁵⁷

«Ныне раздаются голоса, — говорилось в записке, — советующие, даже требующие, во имя того, что они называют общественной безопасностью и консервативными началами, упразднения Главного комитета». Ответом на эти требования и были объяснения записки относительно назначения Главного комитета и стоящих перед ним задач. Прежде всего автор записки признавал, что Главный комитет, как и вся система учреждений по крестьянским делам, «суть учреждения временные», существование которых отмерено «окончательной развязкой обязательных отношений» крестьян и помещиков и «окончательным» единообразным устрой-

⁵³ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 125.

⁵⁴ Оржиховский И. В. Комитет «общественного спасения» 1866 г., с. 62—63.

⁵⁵ Дружинин Н. М. Главный комитет..., с. 281.

⁵⁶ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. XV т. (опись делам, не вошедшим в контрольные реестры), д. 1, л. 90—104.

⁵⁷ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 132.

ством крестьянства. С этих позиций и освещалась работа Главного комитета в настоящий момент. Записка отводила утверждения, что главные законодательные разработки уже завершены и называла четыре крупных вопроса, подлежащих рассмотрению в Главном комитете: устройство государственных крестьян, отставных и бессрочно отпускных, бессарабских царан и, наконец, проблема выкупных платежей. О спорных делах, находящихся в ведении Главного комитета, говорилось, что их рассмотрение не завершено и предстоит принятие решений по очень крупным тяжбам. Что касается дел «распорядительного» характера, то в записке признавалось, что «срок окончания этой части задачи Главного комитета определяется сам собою временем прекращения обязательных между помещиками и крестьянами отношений. Положение 19 февраля назначило 19 февраля 1870 г. как предел обязательного пользования наделами за установленные повинности».

Незавершенностью дел аргументировалась, так сказать, организационная причина невозможности закрытия Главного комитета. Но мера эта, с точки зрения автора записки, была несостоятельной и по причинам политическим, поскольку выглядела бы как «начало радикальной перемены в направлении крестьянского дела», что таило бы в себе «в нынешних обстоятельствах» реальную политическую опасность. Записка все время осторожно взывала и к чувству личной ответственности императора за деятельность Главного комитета, так как именно он санкционировал все рекомендованные Комитетом меры.⁵⁸

Записка великого князя, пожалуй, сыграла лишь роль последнего довода в пользу сохранения Главного комитета, поскольку Александр II сразу же твердо высказался против его закрытия. Сторонники упразднения Комитета объяснялись с ним неоднократно. Как уже говорилось, первым выяснял его позицию П. П. Гагарин и получил распоряжение снять вопрос об этом с повестки дня. Об этом же был у царя и разговор с министром государственных имуществ, а 20 мая — министром внутренних дел. Переданные Валуевым слова Александра II очень выразительно показывают стремление последнего к балансированию в политике вообще и в крестьянском вопросе в первую очередь, которое было ему свойственно и которым объясняются многие «либеральные» меры его царствования. «Будет неладно, если слишком предадимся на сторону дворянства», это «возбудит массы, которые и без того уже возбуждены», — заявил он Валуеву.⁵⁹ Опасность крестьянских волнений — вот что заставляло его сопротивляться аграрным притязаниям дворянства, которому он хотел бы идти на максимальные уступки. В передаче Валуева его собственный монолог о Главном комитете звучал так: «Я отвечал, что желаю

⁵⁸ ЦГИА СССР, ф. 1181, оп. XV т. (опись делам, не вошедшим в контрольные реестры). д. 1, л. 91, 94 об., 99 об.

⁵⁹ Валуев П. А. Дневник, т. II, с. 126.

упразднения Главного комитета в интересах самого великого князя и что по сравнению с тем, что он (Комитет. — В. Ч.) делал прежде, государь сам может убедиться в малой нужде его дальнейшего существования.⁶⁰

Исходя из принципа «куй железо, пока горячо», в эти же дни (20 или 21 мая) пытался оказать на Александра II давление шеф жандармов. Пожалуй, он преуспел больше других, ибо ему вместо прямого отвода его предложения, поддержанного комиссией Гагарина, император обещал позже обсудить этот вопрос еще раз в своем присутствии.⁶¹ Это была отсрочка, уловка, к которой Александр II часто прибегал. Обсуждение этого вопроса, а император сказал, что сам выберет для этого время, и настаивать было невозможно, так и не состоялось. Когда Шувалов понял, что попытка упразднения Главного комитета не удалась, он начал подумывать хотя бы об изменении состава Комитета в сторону усиления там «консерваторов». В правительственных сферах ходили слухи, что он вынашивал план вывода из Главного комитета Н. А. Милютина и введения в его состав гр. В. П. Орлова-Давыдова, одного из столпов так называемой «аристократической» партии.⁶²

Итак, упразднение Главного комитета в 1866 г. не состоялось, однако позиции консерваторов в нем усилились в связи с изменениями в составе правительства и растущим влиянием Шувалова. В дневниковых записях Константина Николаевича часто встречаются упоминания о стычках его с Шуваловым. «В крестьянском комитете ... я крепко поспорил с Шуваловым ради постоянной тенденции обходить и переделывать закон 1861 г.», — записано под 4 марта 1868 г. «В крестьянском комитете жаркие споры с Тимашевым (новым министром внутренних дел. — В. Ч.) и Паленом (министр юстиции. — В. Ч.)», — такова запись от 6 мая 1868 г. «Ко мне была оппозиция Шувалова и Палена, т. е. повторение той же борьбы, которую мне приходится вести с 1858 г.», — записано в связи с заседанием Главного комитета в дневнике от 3 июня 1868 г. «Споры были большие, и все та же тенденция уменьшать наделы и увеличивать повинности», — записано 6 июня 1868 г. по поводу обсуждения дела о паранах.⁶³ Это лишь небольшая выборка такого рода высказываний председателя Главного комитета за сравнительно короткий срок деятельности последнего.

Главный комитет продолжал свою деятельность в 70-х годах, и другие попытки упразднить его в это время нами не обнаружены. Очевидно, подкреплением устойчивости положения Главного комитета явилась публикация в 1870 г. очень делового, обстоятельного отчета его за девятилетнюю деятельность. Из него следовало, как много было сделано Комитетом в осуществление

⁶⁰ Там же, с. 126.

⁶¹ Там же, с. 127.

⁶² Там же, с. 129.

⁶³ ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 94, л. 27, 36, 53, 67 об., 70.

реформы 19 февраля и ее развитие, в деле распространения на другие категории сельского населения. Были показаны и перспективы его деятельности. Отчет Главного комитета увидел свет, очевидно, в августе 1870 г., ибо в дневнике Константина Николаевича за 1 сентября помечено, что он в этот день читал «чрезвычайно интересный отчет Главного комитета».⁶⁴

Однако после 1866 г., хотя деятельность Главного комитета и не сворачивается, идет постепенное падение ее значения. Хорошо выразил причины этого явления А. В. Головнин, заметивший эту тенденцию еще в 1867—1868 гг. «Крестьянский комитет, — записал бывший министр народного просвещения в своих заметках, — рассматривал частные случаи недоразумений, возникавшие при введении в действие положений об освобождении крестьян. Эти случаи были неважны и происходили все реже и реже. С тем вместе Комитет терял свое значение».⁶⁵ Возможно, именно в постепенной утрате Главным комитетом своего значения, некотором отходе крестьянского вопроса на второй план и коренится причина того, что шеф жандармов не возобновил своих попыток упразднить это учреждение.

Закономерность и естественность процесса утраты Главным комитетом своего значения в 70-е годы станут понятны, если хотя бы бегло охарактеризовать его деятельность вслед за Н. М. Дружининым, сделавшим это полно и основательно.

Н. М. Дружинин делит историю Главного комитета на три периода: 1861—1862, 1863—1866 гг. и последний, заключительный, до упразднения комитета в 1882 г.

Первый период был связан с провозглашением отмены крепостного права и охватывал двухлетний срок, отведенный реформой на оформление новых отношений экономической зависимости крестьян, зафиксированных в уставных грамотах. Все усилия Главного комитета были направлены к скорейшему завершению этого переходного периода. Поэтому он много занимается вопросами скорейшего введения уставных грамот, создания всех ступеней управления крестьянским делом (в частности, созданием института мировых посредников), приступает к разработке следующих законопроектов. Все решения Главного комитета в это время принимаются с учетом довольно сильного размаха крестьянского движения. Именно этим объясняется тот факт, что Главный комитет старается сопротивляться напору помещиков, отстаивает предпочтительность компромисса перед репрессией (например, при введении уставных грамот). Разумеется, и в это время его деятельность носит следы колебаний, вообще свойственных политике царизма. Пожалуй, одной из наиболее крупных уступок, которые были сделаны помещикам в это время, было распространение выкупной операции на барщинные имения. Это было результатом

⁶⁴ Там же, д. 99, л. 3.

⁶⁵ Записки А. В. Головнина. — ЦГИА СССР, ф. 851, оп. 1, д. 8, л. 6 об.—7а.

давления помещиков, столкнувшихся с сопротивлением крестьян исполнению барщинных работ, называемых теперь «издельными». Помещики стали видеть выход из положения в скорейшей развязке временно обязанных отношений переводом крестьян на выкуп, предусмотренный первоначально лишь для оброчных имений. 27 июня 1862 г. был утвержден закон о распространении выкупа на издельные имения.

Первый период деятельности Главного комитета был чрезвычайно напряженным, но не менее интенсивным был и второй ее этап — 1863—1866 гг.

1863 год был годом продолжающихся крестьянских волнений в великорусских и в западных губерниях, что поставило царизм перед необходимостью пересмотреть ту часть законодательства 19 февраля, которая касалась западных губерний. Поэтому значительная часть работы Главного комитета была в это время связана с разработкой мер по облегчению для крестьян западных губерний условий реформы, переводу их на обязательный выкуп. Все это делалось, чтобы оторвать крестьянство от участия в освободительном движении.

Еще ранее, в 1861—1862 гг., начали возникать спорные дела о праве крестьян на земли, купленные ими на имя помещиков иногда задолго до реформы. Массовое движение крестьянства в 1861—1863 гг. было причиной того, что царизм не смог отказывать крестьянам в их исках, ссылаясь на истечение срока давности покупки, а вынужден был в 1863 г. узаконить рассмотрение таких дел в Главном комитете. Дела эти, очень сложные вследствие отсутствия обычно у крестьян документов, подтверждающих их права на купленную землю, во множестве проходили в 1863—1866 гг. через Главный комитет и по-разному им разрешались в пользу крестьян (как правило, если их сопротивление было особенно упорным) или в пользу помещиков (как правило, когда землевладелец был влиятелен и настойчив, а права крестьян никак документально не зафиксированы). В Главном комитете были деятели (например, Константин Николаевич), которые считали постыдным использование помещиками в качестве предлога для закрепления за собою крестьянских земель истечение сроков давности, но были и такие, которые упорно держали сторону помещиков, например, К. И. Пален, о котором очень выразительно отозвался М. И. Семевский (см. выше). Спорные дела порождали большие разногласия. Приведем выдержку из дневника Константина Николаевича. 18 ноября 1868 г. рассматривалось одно из таких дел, и великий князь записал об этом следующее: «В Комитете прошло единогласно поганое дело об отобрании Воронцовым земель у крестьян, купленных ими за 50 лет до того. Я говорил много и сильно и заставил Тимашева (министр внутренних дел. — В. Ч.) отступить от его заключения».⁶⁶ Однако Константин Нико-

⁶⁶ ЦГАОР СССР, ф. 722, оп. 1, д. 95, л. 57 об.

лаевич далеко не всегда брал сторону истинных, а не юридических владельцев, так, при решении спора о земле крестьян Бибиковой он встал на ее сторону, хотя дело и не было бесспорным. Он лично несколько раз приезжал к Бибиковой объясняться.⁶⁷ П. А. Валуев держался в вопросе о купчих землях в зависимости от обстоятельств, прикидывая возможные последствия того или иного решения, а иногда и просто руководствуясь ближайшими выгодами поддержки той или иной стороны. Сохранилось очень выразительное свидетельство его колеблющейся позиции, изложенное в письме Б. М. Маркевича Каткову от 23 декабря 1866 г. Поскольку письмо это содержит очень яркую картину обсуждения в Комитете спорных дел вообще, то стоит привести целиком это довольно пространное свидетельство. «В одном заседании Главного комитета по крестьянскому делу, — извещал Маркевич своего патрона, — слушалось дело о весьма сомнительной претензии крестьян на землю помещика, купленную ими будто бы на свои деньги в позапрошлые времена. На стороне крестьян стояли по обыкновению Чевкин, Бахтин и председатель Комитета. Против них говорил Павлинов (прозвище Валуева. — В. Ч.). Его доводы подхвачены были Шуваловым и Сольским (вместо Папина) и весьма дельно защищаемы ими. Павлинов же между тем, видя оппозицию со стороны лиц, которые ему могут понадобиться (он ведь во всех нуждается), тотчас же спасовал и предложил какое-то *mixtum composition* для соглашения всех и удовольствия каждого. Раздосадованный Шувалов объявил тогда, что второго мнения министра внутренних дел он не признает и присоединяется к его первому мнению».⁶⁸

Важнейшими мероприятиями, разработанными Главным комитетом в этот период, были законы 1863 г. о преобразованиях в удельной деревне и 1866 г. — в деревне государственной. После этого все крупные категории крестьянского населения оказались охвачены аграрной реформой, и хотя оставались еще многочисленные другие категории сельского населения, земельное и правовое положение которых требовало разрешения, это были относительно малочисленные группы. Именно поэтому после 1866 г. хотя и продолжается, но падает интенсивность законодательской деятельности Главного комитета. Вопросы, вставшие в связи с практическим осуществлением реформы в помещичьей деревне, постепенно регулировались и тоже переставали быть многочисленными и острыми.

В последний период деятельность Главного комитета продолжается все по тем же трем направлениям: законодательская (разработка законов для разных категорий крестьянского населения), административная (разрешение вопросов, связанных с применением уже действующего законодательства), судебная (решение

⁶⁷ Там же, д. 94, л. 9 об., 56 об.

⁶⁸ ОР ГБЛ, ф. 120, оп. 23, д. 4, л. 147—148.

дел о купчих землях). Много занимается в это время Главный комитет проблемой взыскания недоимок по выкупным платежам.

Накануне закрытия деятельность Главного комитета оживилась, что было связано с наступлением в стране революционной ситуации конца 70-х—начала 80-х годов. Пожалуй, это период, который следует особо выделить. Обострение крестьянского вопроса, вызванное малоземельем и обременительными налогами и платежами, поставило его в качестве первоочередного в правительственной политике. В Главном комитете в 1880—1881 гг. началась интенсивная разработка мер его разрешения, главной из которых был признан обязательный выкуп с понижением размера выкупных платежей.

Официальное упразднение Главного комитета последовало 25 мая 1882 г. согласно высочайше утвержденному мнению Государственного совета.⁶⁹ Однако фактическое закрытие Комитета произошло гораздо раньше и было связано со сменой царствований.

Воцарение Александра III сопровождалось изменением правительственного курса и большими персональными переменами в правительственных сферах. Карьера великого князя, занимавшего ряд ключевых правительственных постов, сразу же оказалась под угрозой, и он сам это понимал. Очень скоро ему было предложено уйти с поста председателя Государственного совета и главы морского ведомства. Нужно было убрать его и из Главного комитета об устройстве сельского хозяйства. Путь к этому напрашивался сам собою. Принятое в 1881 г. решение об обязательном выкупе формально прекращало поземельные отношения крестьян с помещиками, а стало быть, миссия Главного комитета оказывалась завершённой. Обоснование необходимости упразднения Главного комитета по этим обстоятельствам было сделано П. П. Игнатьевым, новым министром внутренних дел, и его предложение было поддержано правительственной группой, пришедшей на смену группировке М. Т. Лорис-Меликова. Интересно, что в глазах современников Главный комитет был порождением и олицетворением либеральных начинаний царствования Александра II, должно быть, поэтому один из немногих либеральных деятелей царствования Александра III Н. Х. Бунге, кстати, деятель крестьянской реформы, был единственным из министров, кто не поддержал Н. П. Игнатьева.⁷⁰

Официальное упразднение Главного комитета явилось своего рода знаменем нового царствования, ставившего своей целью упрочить монархический строй, а также экономическое положение и политическое влияние поместного дворянства. Первоприсутствующий II департамента Сената, куда поступила часть дел ликвидированного учреждения, Я. Г. Есипович считал, как многие

⁶⁹ ПСЗ III, т. II, № 911.

⁷⁰ Дружинин Н. М. Главный комитет..., с. 286.

из помещиков, что крестьянская реформа «глубоко потрясла и поколебала» право собственности, чему еще более способствовала деятельность Главного комитета, а потому увидел в закрытии Главного комитета правительственную попытку «восстановления» в деревне «законных отношений». Именно с этой точки зрения он и подходил к определению «великой задачи», стоящей перед II Департаментом.⁷¹

Ликвидация Главного комитета явилась одним из ранних симптомов подготавливавшейся в то время политики контрреформ.

---

⁷¹ Записки сенатора Есиповича. — Русская старина, 1909, № 7 (июль), с. 40—43.